

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, РЕЦЕНЗИИ ЛИТЕРАТУРО- ВЕДЕНИЕ

Имя таджикского прозаика Тимура Зульф리카рова, пишущего на русском языке, за последние годы стало известно широкому читателю благодаря книге «Поэмы странствий», изданной в «Молодой гвардии».

Известны и работы Т. Зульф리카рова в кино — по его сценариям сняты фильмы «Первая любовь Ходжи Насреддина», «Черная Курица, или Подземные жители» (последний получил премию Московского международного кинофестиваля). Недавно в журнале «Памир» было опубликовано новое произведение писателя — «Таттабубу» (№ 8, 1981).

Т. Зульф리카ров недаром называет свои произведения поэмами — им свойственны ритмическая организация и интонационный строй, характерные для поэзии, интенсивный метафоризм.

Творчество писателя вызывает самые противоречивые мнения, что отразилось и в сегодняшних выступлениях критиков.

ДВА МНЕНИЯ

о повестях Тимура ЗУЛЬФИКАРОВА

Но уже сама «нетрудность» этого «вычисления» должна была бы насторожить. Что-то тут не так! Если «слагаемое» таланта можно вот так просто «прикинуть» на счетах или, за отсутствием оных, пересчитать на пальцах — то одно из двух: либо это не талант, либо подход к нему нужен явно другой. Уж во всяком случае — не арифметический...

Да, у Т. Зульф리카рова есть свой стиль. (Именно потому, кстати, его так легко пародировать, что, не удержавшись от соблазна, делает и П. Уляшов. Но к этому мы еще вернемся.) Однако нужно ли напоминать, что стиль и стилизация — вовсе не одно и то же?

Мы часто и привычно повторяем известное изречение, что стиль — это человек. В данном случае это — буквально! Потому что Восток для Т. Зульф리카рова — его судьба. Человеческая и творческая. А можно ли стилизовать собственную судьбу?

Две строки из биографии: «Тимур Касимович Зульф리카ров родился в 1936 году в Душанбе... В саманной кибитке прошло военное детство». Кому-то стороннему и эта са-

Мушфики Т. Зульф리카рова никак не похож на Омара Хайяма, а Кумри — на Ханифу-Тюльпан. Не только главные, но и второстепенные герои выписаны у него кистью тонкой и подробной. А сюжет... Разве жизнь великих поэтов и художников не является сама по себе достойным сюжетом?...

Кто-то жаловался одному философу, что вот-де опять я за целый день не успел ничего сделать... «Как, — удивился философ, — разве вы не жили?» К этому нечего добавлять!

«Аллах я пел как ранний росный петух с перерезанным горлом. Хрипло. Обрывисто. Тайно...»

Но пел. Но пел упоенно заливаясь захлебываясь собственной пьяной пролитой прямой уходящей кровью... Но пел в империи немоты и неволи... Пел в империи пришедших сельджуков...

Это ли не сюжет? А ведь это — только небольшой фрагмент из «Книги откровений Омара Хайяма». Той самой, что показала П. Уляшову «примером голой риторики». Но если петь с перерезанным горлом — риторика,

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

РАДОСТЬ ЧИСТЫХ КРАСОК

В ОДНОЙ из поэм Тимура Зульф리카рова Насреддин в споре со знаменитым суфием, аскетом, дервишем говорит: «...Мудрец Павел... сказал: кто говорит тайным языком — тот говорит с Богом... Кто говорит простым языком — говорит с людьми... Ходжа Зульфикар, ты говоришь тайным святым колодезным языком, языком мудрости — и ты говоришь с Богом... А я хочу говорить простым языком — с людьми...»

Спор двух мудрецов, мне кажется, имеет принципиальное значение для оценки книги «Поэмы странствий» Т. Зульф리카рова.

Не стану утверждать, что поэмы-повести Т. Зульф리카рова написаны сплошь «тайным» языком. В общем-то, логически все это не так и сложно постигнуть. Но вопрос не в постижении, а в сочувствовании, в сопереживании.

Прием, который использует Т. Зульфикаров, хорошо известен — это стилизация. Нетрудно «вычислить» и источники, вдохновляющие писателя в его художественных поисках, — таджикско-персидская классика, в частности «Гули-

Павел УЛЯШОВ

СЛОВЕСНОЕ МАРЕВО?

стан» Саади, «Притчи Соломоновы», «Экклесиаст», «Песнь Песней». В художественно-образительном арсенале автора — и вся восточная мифология. В плане композиционном не обошлось, по-видимому, без влияния «Петербурга» А. Белого.

Стилизация — дело тонкое. Как художественное средство она весьма эффективна. Но при этом воспроизведение «прото-типного» стиля не должно «сползать» в подражание. Т. Зульфикаров, к сожалению, не избежал ни прямого копирования («Близки! близки близки времена, когда праведники не будут знать, что они праведники, а грешники — что они грешники... Ибо не станет Бога в душах людских...»), ни пародирования, разумеется, невольного («Я дервиш отрок странник святой аллахов художник Камоллидин Бехзад, а дев, жен люблю!.. У!..»).

Но суть не в этом. О чем и о ком пишет Т. Зульфикаров? О поэтах или людях искусства — Мушфики, Хайяме, Бехзаде. О Насреддине — герое восточного фольклора, персонаже многих литературных произведений. В общем, литература о литературе. Книжность, вторичность «Поэм странствий» сказывается и в ее образной системе, полностью почерпнутой из литературных источников. Колоритных, самобытных характеров здесь нет. Обычно это Он — возлюбленный, муж, идеальный герой, Она — пылкая пери, предмет неутолимой страсти, и безжалостный, жестокий злодей, мешающий счастью влюбленных. Такова основная расстановка героев в большинстве поэм Т. Зульфикарова.

Наиболее значительной в сборнике представляется поэма «Возвращение Ходжи Насреддина». Здесь социальный срез гораздо шире, чем в других повестях, любовная тема отступает на задний план, а на первое место выходит спор-диспут Насреддина, носителя народной мудрости, воплощающего в себе идею справедливости и добра, с Железным Хромцом — Тимуром, исчадием зла и виновником всех бедствий в его необъятной империи. И спор

этот не теоретический, не философский, он реально отражает два стереотипа жизненного поведения. Добро и зло здесь резко противопоставлены друг другу. Но откуда же берется зло? Ведь и Насреддин, и Тимур — родом из одного кишлака, и даже вскормлены они одной женщиной. Эта аллегория свидетельствует о том, что добро и зло не существуют отдельно друг от друга — они рождены одной землей...

И все же мне кажется, что поэма эта состоялась не благодаря писательской манере Т. Зульфикарова, а вопреки ей. Просто вся эта цветистость и пышность эпитетов, нагромождение повторов и краснота не смогли затухнуть философской насыщенности, идейной глубины поэмы. Замысел оказался достаточно серьезным, чтобы «прорваться» сквозь чрезмерную роскошь метафорических одежд. «Выручили» и характеры в силу своей запечатленности в читательском сознании. Ведь для читателя достаточно одного лишь знака: Насреддин или Железный Хромец, чтобы в его воображении ожили эти колоритные фигуры! Манера, в которой работает

Манера, в которой работает

преображения мира он подменил даром литературной имитации, имитации весьма умелой и искусной, часто несущей в себе гипнотическое воздействие оригинала.

Мне кажется, что Т. Зульфикаров еще предстоит власть в «ересь» и сойти к «неслыханной простоте», которая будет продиктована не притягательной силой самовитого слова и поэтичностью «библейского» романтизма, а реальным жизненным материалом.

Примеров ложного, чисто формального новаторства, самозванных экспериментов со словом литература знает предостаточно. Вряд ли удивит и этот:

«Аллах в Твоей недвижной роце каменной смиряюсь ой смиряюсь ой живыми ой перстами камышовыми блуждаю упадаю улыбаясь улыбаясь светлыми глазами светлыми глазами Аллаха смиряюсь камышовыми перстами Возлагаю дально в роце каменной мазара Возлагаю

Улыбаюсь дальный улыбаюсь...»

Что-то такое уже было. Игра со словом.

«О, рассмейся надсмейся, смех усмейных смеячей, О, исмейся рассмейся, смех надсмейных смеячей!

Смейево, смейево, Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики...» — и т. д.

Действительно, смешно. Впрочем, в истории литературы осталось. Как ее забавная страница.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР «ЛГ»

Трудно «примирить» высказанные здесь мнения — настолько они противостоят друг другу. Очевидно, однако, что С. Соложенкина недостаточно убедительно раскрыла само содержание произведений Т. Зульфикарова, и произошло это, видимо, из-за чрезмерной усложненности образной системы и стилизованной манеры писателя, на чем настаивает П. Уляшов.

Публикуя мнения двух критиков, мы не выносим, естественно, «окончательного» суждения о Тимуре Зульфикарове, но надеемся, что они помогут читателям глубже разобраться в его творческих поисках.

КРИТИКА довольно долго «не замечала» Тимура Зульфикарова, несмотря на все его своеобразие, а может быть, именно из-за этого своеобразия. Странно, неприлично как-то, лучше подождать, что скажут другие... Но вот с выходом его книги «Поэмы странствий» необходимость сказать хоть что-то определенное стала очевидной. О Т. Зульфикарове стали говорить, стали спорить. И это отрадно.

Но... — «Шейх Джунаид сказал: терпенье — есть проглатывание горечи без выражения неудовольствия!..»

Боюсь, что Т. Зульфикаров еще не раз придется повторить про себя это мудрое высказывание после прочтения очередной статьи о своих «Поэмах...» и о своем творчестве вообще. Ибо есть ли на свете большая горечь, чем горечь от доброжелательного непонимания?

Это — не парадокс. Ведь и Павел Уляшов не отказывается Т. Зульфикарову в безусловной одаренности, поэтическом видении, «хорошем чувстве слова» (я, правда, не понимаю, что это такое... чувство слова не может, по моему, быть «хорошим» или «плохим», или оно есть, или его нет...), вкусе. Он относится к автору «Поэм...» вполне, вполне доброжелательно. Но вот вопрос: понимает ли он при этом своеобразие творчества Зульфикарова в полной мере?

П. Уляшову кажется, что перед ним пусть тонкая, эффектная, но — стилизация. И что совсем нетрудно «вычислить» источники, вдохновляющие Т. Зульфикарова, — от «Гулистана» Саади до «Петербурга» А. Белого.

манная кибитка могла бы показаться «экзотикой». Или — «стилизацией». Но не человеку, выросшему в ней!

Позвольте, возражаю мне, но ведь Т. Зульфикаров переносит нас в XVI век, при чем же тут судьба? Судьба при том, что если уж человек родился художником, поэтом, то она дает ему способность переживать все, не бывшее лично с ним, как свое, неотъемлемое, кровное. Неужели можно свети мир поэта к четырем стенам — саманной ли кибитки или столичной квартиры? Весь Восток вообрал автор «Поэм...» в свое сердце. А без этого они не родились бы!

Ведь у Т. Зульфикарова обращенность к Востоку не эпитетически — любопытствующее, как у заезжего туриста, а постоянное, обычное состояние его души. Так можно ли, говоря о его творчестве, забывать о биографической основе?

Выходит, это принципиально для понимания поэта: Т. Зульфикаров — на этом я и настаиваю — не подражает, не стилизует. Он перевоплощается и воссоздает. А это — совсем другое.

Странно мне и обвинение в «книжности», «вторичности» только на том основании, что Т. Зульфикаров пишет «о поэтах или людях искусства» — Мушфики, Хайяме, Бехзаде. О Насреддине — герое восточного фольклора... Что ж получается: если о Насреддине — так уж и обязательно «вторичен»?

Очевидно, что здесь современность сводится к злободневности, узкопонимаемой актуальности. А это, разумеется, не одно и то же. Зачем же нам таким образом обеднять понятие современности, да и саму литературу? Можно писать о событиях, сколь угодно отдаленных, и оставаться при этом современным, даже остро современным. Все зависит от точки зрения, от подхода к материалу... Это, мне кажется, давно признанная истина.

Но далее П. Уляшову представляется бесспорным, что у Т. Зульфикарова нет ни колоритных, самобытных характеров, ни даже сюжета как такового. А у меня впечатление — прямо противоположное.

то на земле больше не существует трагедий.

Кстати, о «калейдоскопе причитаний». П. Уляшов приводит довольно длинную цитату из «Книги откровений...». Чтобы не повторяться, приведу лишь ее конец: «Ты ль ты ль цветущая безвинно Алыча на Спящих Спящих цвет ласкающий роняющая?.. Ты ль ты ль? ты ль? Тыль Тыль..» Но он оборвал эту цитату перед самым важным словом, а именно: Хоросан. И дальше: «Ты родина, ты малая!.. ты родина родная...» Но ведь именно здесь фокус, в котором сходятся все лучи! И «разрозненные», казалось бы, ассоциации служат одной цели, и «безликое» вроде «ты» обретает свое лицо. Так можно ли было, опустив самое главное слово, венчающее весь этот длинный поэтический период, перескочить через него, обобщая: «И так — вся книга. Мысль автора теряется, нить размышлений рвется...» и т. д. А может быть, устал сам критик вникать в очевидно чуждую ему поэтическую систему и передергивая передергивая начал пародировать?

Нет, не «вопреки» писательской манере Т. Зульфикарова «состоялись» все же его поэмы. Так не бывает. Замысел и его воплощение не существуют отдельно в родившейся уже книге — как не существуют отдельно «содержание» и «форма». Именно в такой форме должно было явиться на свет такое содержание. Читая «Поэмы странствий», живо ощущаешь голос самого автора, угадываешь его взгляд, его жест. Причем это не просто отвлеченно талантливый человек, блудящий своей одинокой тропинкой где-то по обочине Пути Добра. Это — считая важным подчеркнуть — наш современник, которого волнуют не «исторические анекдоты», а подлинная история своего народа, на которую писатель смотрит широко, панорамно, сочетая масштабность с художественной тонкостью и своеобразием избранных им средств.

И мне остается только повторить вслед за автором «Поэм...»: «Тут Слово!».